

НЕИСТОВЫЙ РОЛАНД

Глава I

В одном из пятидесяти пяти губернских и пятисот пятидесяти пяти уездных городов Российской империи, в заездной жидовской корчме, ходил по комнате из угла в угол человек лет тридцати, важной наружности, с пламенными черными глазами, с пылким румянцем на щеках. На нем был синий сертук; три звезды светились на груди; беспокойство и смущение выражалось во всех чертах.

Двери в хозяйскую спальню были притворены. Подле спальни, в кухне молодая еврейка стряпала на шабаш *кугель* и готовила чай для постояльца. Несколько жидков в штанах, в нагрудниках, в шапках толпились около нее и бормотали *по-своему*. Вдруг раздалось громкое восклицание постояльца. Жидки бросились к дверям и по очереди заглядывали сквозь щель в комнату, занимаемую им.

— *Ангелика!* — произнес он отчаянным голосом. Жидки отскочили от двери со страхом.

— *Wus sakt er?*¹ — пробормотал один из них и снова уставил глаза в щель.

— *Haim, Haim, Schlem!*²

Хайм и Шлемка также пододвинулись к щели.

— *Ангелика!* — повторил знаменитый постоялец, остановясь посреди комнаты. Очи его были неподвижны, поднятая рука тряслась.

— *Природа!* — продолжал он, — *ты глуха к воплям несчастного! Слезы мои пробились дикие камни и не смягчили тебя, чтоб отдать мою собственность!.. В степь обращаю я вселенную, чтоб в беспредельных равнинах Ангелика не могла скрыться от взоров моих!.. Ангелика! Неужели в обширном свете есть место, которое в состоянии утаить тебя?..*

После некоторого молчания он ударил себя в грудь и продолжал голосом страдания:

— *Боже всевышний! Бесконечная борьба!.. Или не довольно мучений?.. Какая фурия омочила ядовитый кинжал в крови моей?.. В юдоли спокойствия, в ее объятиях, в минуту блаженства... он сам совершил свой приговор!.. Может быть, она предпочла суровому названию воина нежное имя пастуха! Своенравное божество любви! Дей в рану мою яд!.., она не чувствует его более!.. Что ж медлю я! Иди, ищи ее, несчастный!..*

С сими словами он бросился в сторону.

— *Тышэ, судэр!* — вскричала еврейка шепелявым наречием, отскочив от испуганного постояльца. В руках ее был поднос, на котором внесла она засаленный чай-

¹ Что сказал он? (*идиши*)

² Хаим, Хаим! Шлем!

ник с чаем, другой с горячей водою, третий с молоком, блюдечко с четырьмя кусочками сахара и другое с жидовским хлебом.

— А, Рифка! теперь ты от меня не уйдешь! — вскричал знаменитый постоялец, сдавив в своих объятиях еврейку, едва только успевшую поставить поднос на стол.

— *Wus macht er, Haim?*³ — пробормотал жиденок, смотревший в щель двери.

— *Дэ! Тышэ, судэр!* — вскричала еврейка, защищаясь от поцелуев, которые сыпались на лицо ее, и с трудом вырвавшись из рук постояльца.

Когда она выбежала из комнаты, неизвестный посмотрел пламенными очами вслед за ней, налил стакан чаю, выпил его почти залпом, прошел несколько шагов по комнате, снова остановился посреди комнаты, вскинул руки и закричал:

— *Проклятый! и ты не сбросил их в ад!.. Да, я все опустошу, что только носит на себе отпечаток постыдной любви!.. Погибните, нечистые тени, блюстители гнусных наслаждений и свидетели моего стыда!.. О! будь дыхание мое подобно бурному вихрю!..*

Вслед за сими словами проклятия полились потоком. Сама Рифка выбежала из кухни и, отогнав жидков от двери, приложила глаза и уши к скважине.

— *Солнце!* — продолжал неизвестный, — *скройся, если ты когда-нибудь приблизишься по золотому пути своему к этой плачевной юдоли! Луна! отвори луч небесного твоего света от постыдного места! Вечная ночь! покрой собою это адское жилище! Смертоносный воздух! растли приближающегося сюда странника... Лютые тигры! селитесь здесь!..*

В это время наружные двери заскрипели, кто-то вошел в комнату. Неизвестный продолжал, но уже гораздо спокойнее:

— *Солнце торопится скрыться от этого ужаса! Смотри! видишь ли добродетель в рубище, а порок в шелку? Видишь ли горлицу? над ней вьется ястреб... он уже схватил, раздирает ее сердце, кипящее еще любовью...*

— *Готово, судэр,* — произнес стоявший в дверях. По голосу можно было догадаться, что это был жид-фактор.

Деревянные часы, висевшие в углу, прокуковали шесть часов.

— *Пора!* — сказал неизвестный. Накинув на себя плащ, он вышел вон; фактор провел его по коридору со свечой. На дворе было уже темно; подле ворот стояла маленькая польская бричка, запряженная в одну лошадь, которою правил жид в мохнатой шапке, с витыми огромными пейсами.

— *На водку фактору, сударь!*

— *Убирайся к чорту!* — отвечал неизвестный, вскочив в бричку.

Жид, сидевший на козлах, хлопнул бичом по тощим ребрам клячи; фактор со свечой воротился в комнату; копыты застукали о твердую землю, бричка задребезжала; по обе стороны улицы замелькали в домах огни жидовского шабаша.

³ Что он делает, Хаим? (идиш)

Без помехи катилась бричка; вдруг, при спуске под горку, навстречу обоз; жид своротил в сторону.

Из ближайшего дома свет ударил на улицу.

— Овраг!.. — вскричал неизвестный. Слова его прервались, бричка опрокинулась, звезды на платье мелькнули, раздался стон и вдруг умолк. Только слышно было, как на гору тянулись волны, да слышен был свист погонщиков да хлопанье бичей и *цобэ, цобэ!*

Обоз проехал. Все утихло. Жалостное жидовское *иох!* послышалось под горю; но вскоре снова раздался удар бича, снова копыты застучали, и бричка задребезжала вдалеке.

Глухой стон повторился подле освещенного дома, близ мостика чрез овраг.

Глава II

В день св. мучениц Минодоры, Митродоры и Нимфодоры к господину городничему стекались гости. По случаю именин почтенной своей супруги он строил пир на весь мир.

У всех значительных особ города, знающих приличия большого света не менее Павла Афанасьевича Фамусова, этот день отмечен был в календаре; на чистеньком листочке, против 10 числа сентября, стояли следующие слова: день ангела Нимфодоры Михайловны.

В этот день, в торжественный праздник, в соборной церкви служил обедню сам протопоп; а председатель и члены магистрата, судья и значительные чины записывали в журнале рано поутру: «По неполучению надлежащих сведений, отложить рассмотрение дел до следующего заседания». А почтмейстер и помощник его препоручали принимать и отправлять корреспонденцию дежурному поч-талиону; а городской лекарь давал необходимые наставления для исправления своей должности фельдшеру; а квартальные возлагали полицейские заботы на *хожалых*; и все в полных мундирах отправлялись на поздравление Нимфодоры Михайловны и супруга ее, потом к обедне, потом к обеденному столу имянинницы.

Три гильдии городских купцов также помнили этот день; *препроводив* раным-рано с приказчиками своими кулечки со всем, что только относилось до хозяйственной экономии Нимфодоры Михайловны, сами шли поздравлять имянинницу около полудня.

На этот день брался из острога отличный повар, содержащийся в оном по уголовному преступлению около уже пяти лет и не отправляемый на каторгу то по случаю производящихся следствий по его показаниям в пятнадцати губерниях, то по случаю неотыскания еще сообщников его, рассеянных по всей Российской империи, то по случаю болезни и по разным законным причинам. Обед был великолепен.

Какая кисть изобразит то единодушное удовольствие, коим все присутствующие за столом были исполнены. Тосты за здравие Нимфодоры Михайловны с ее су-

пругом и всем семейством были повторяемы с сердечным приятием чувств преданности, должного уважения к почтенному начальнику города и с пожеланием всякого блага и благополучия, 100 000 годового дохода и ста лет, да двадцать, да маленьких пятнадцать жизни. Вензловое имя почтенной имянинницы, вылитое из леденца и опутанное сахарной паутиною, возвышалось посреди стола; подле стояли марципаны, варенья на тарелках, дыни и арбузы, груши и яблоки. Песельники пожарной команды пели многие лета.

Когда Нимфодора Михайловна принялась межевать слоеный круглый пирог, хозяин подрезал проволоку у бутылки шампанского, пробка ударила в потолок, упала на пол и, поднятая с земли по требованию судьи, знающего толк в винах, пошла по рукам гостей, как диво; почтительно произнесло несколько голосов: VCP с звездочкой! А когда напенились бокалы и раздалось гостям, все привстали, залпом произнесли: желаю здравия! И потом, как беглый огонь, посыпались похвалы вину: дивное вино! старое вино! очень старое вино! вино без подмеси! царское вино! Когда разнесли десерт, сопровождаемый ратафией, пьяной водицей и вишневкой, когда гости стали тучны и алы, хозяйка встала с места, стулья двинулись, загремели, все приложились к ручке хозяйки и вошли в гостиную.

Дамы засели на диване около круглого стола, на котором стоял новый десерт: вологодская пастила, разных сортов орехи, фрукты, варенные в сахаре. Мужчины чиновные засели по сторонам и занялись чищением зубов и нюханием табака; прочие — люди подчиненные — толпились по сторонкам, перешептываясь или рассматривая богатое украшение комнаты: московские обои с изображением пастушки в фижмах и пастуха в штанах, играющего на дудке; мебель, обитую зеленым сафьяном; картинки производства Логинова в золотых узеньких рамках, изображающие историю Женевьевы, Поля и Виргинии, блудного сына и искаженные черты царей и полководцев, с подписью и стихами в честь их.

— Вообразите-с! — сказал почтмейстер, взяв вилокю кусок пастилы, — во Франции, в Париже-с, бывает *завтрак на вилках*.

— Возможно ли! Каким же это образом? — вскричало несколько голосов.

— Не знаю-с; а могу представить в доказательство книгу г. Коцебу *о воспоминаниях в Париже*; г-н Коцебу достоверен-с, не солжет.

— Да это, верно, просто выражение, — сказала важно хозяйка дома. — Точно такое же выражение, как у нас говорят: *сидеть на иголках*.

— Должно быть, так-с! — подтвердил председатель магистрата.

— Что город, то норов, что деревня, то обычай! — произнес протопоп, поправив свою бороду.

— Действительно-с! — сказал семинарист, учитель городской школы. — Цицерон сказал: *communem consociationem colere, tueri, servare debemus*, т. е. мы должны служить обычаям...

— Точно так-с! — прервал его почтмейстер, — однако же у г. Коцебу в статье о коврах сказано, что *показывающий Цицерон сам понимает мало*.

— Помилуйте, — сказал ужаснувшись учитель, — Цицерон — оратор римский!

— Что ж, сударь, — отвечал почтмейстер, — он мог путешествовать и заехать в Париж. Я бы сам с любопытством взглянул на город, в котором даже весь мастерской народ рыцари и носят щиты с девизами.

— Как это так-с! — вскричали все.

— Извольте прочитать г. Коцебу о Париже, — отвечал важно почтмейстер.

— Да-с, — промолвил он и продолжал: — Но уж какая развратительная философия во Франции! Вообразите себе: сам Наполеон Бонапарт сказал господину Коцебу волтеровское правило: *что все люди добры, исключая человека скучного*⁴. Как вы думаете об этом: все люди добры, исключая человека скучного!

— Ужасно! — вскричали гости. — Все люди добры, исключая человека скучного! Следовательно, разбойник, тать — добры, потому что они не скучны.

— Ужасно! — повторили все, и общее удивление было прервано предложением одной из девушек сыграть на клавикордах.

— Право, все позабыла, Нимфодора Михайловна.

— Сделайте одолжение, сударыня, потешьте моих гостей, — сказал городничий.

Все гости также обратились с покорнейшею просьбою к виртуозке.

— Право, я все позабыла! — повторила она.

— Ну, ну, ну, Софья! Я не люблю манеров! Учат не на то, чтобы забывать! — вскричала мать девушки. И Софья, надувшись, села за клавикорды. Клавиши застучали, струны зазвенели; педаль, приделанная для маршей и турецкой музыки, забила в деку, как тулумбас, клавикорды закачались на складных ножках.

Все гости обступили виртуозку и дивились искусству игры; но удивление многих увеличилось донельзя, когда правая рука Софьи, перескочив через левую, заиграла на басах.

— Это, верно, французская вариация! — вскричал председатель.

— Точно так-с, — отвечала Софья с самодовольствием, — это французская кадрили.

— Я отгадал! — продолжал председатель. — У них все наизусть. Ну, зачем бы, кажется, играть правой рукой вместо левой, а левой вместо правой.

— Софья! — сказала строгим, материнским голосом мать Софьи. — Я не раз тебе говорила: играй просто вариацию, не перекидывай руки! Что за глупая манера! Как будто нельзя играть добрым порядком!

Софья порывисто встала из-за клавикорд и вышла в другую комнату.

Ее мать почла неприличным, что она не дождалась похвалы и благодарности за игру, последовала за нею журить, бранить наедине, учить дочь свою приличиям общества.

Между тем мужчины засели на несколько столов играть в бостон, а хозяйка с своими гостями около десерта.

⁴ Это русский перевод слов: *tous le genres sont bons, excepté le genre ennuyeux* (прим. автора).

Пробило 6 часов. Ломберные столы были уставлены уже ремизами, а синяя салфетка десертного стола покрылась скорлупой.

— Господа! — вскричал городничий. — Пора в театр, ремизы разыграем после. Пора, пора, — повторили все дамы. — У вас есть афишка? Говорят, что актеры бесподобные.

— Как же-с, антрепренер представил мне список актеров. Играть будут пьесы отличные, по моему назначению, драму *«Добродетельная преступница, или Преступник от любви»*, в трех действиях, и комедию в пяти действиях *«Неистовый Роланд»*.

— Как это интересно! Пора, пора! — повторяли дамы, собираясь и с нетерпением ожидая у подъезда дрожек.

Бостонисты сложили ремизы, разыграли, рассчитались, схватились за шапки, второпях выигравший забыл заплатить за карты; и вот, пешком и на дрожках, все двинулись в театр.

Глава III

Город, в котором случилось описываемое происшествие, лежал на берегу роскошного Днепра и разделялся глубокою ложиной. Главная часть города была на горе и украшалась широкою площадью, ограничиваемою жидовскими корчмами, костелом, соборною церковью и деревянным театром с лубочной кровлей. Другая часть города, носившая название *«за мостом»*, не имела в себе никаких замечательных зданий и украшений, кроме городских бань, пивоварни и живодерни, на которой выдвельвались самые лучшие собачьи меха. Третья часть, *«под горой»*, населена была Израилем и украшалась деревянной жидовской школой, обросшей мохом и стоявшей посреди лачуг и непроходимой грязи. Весь же город славился красотой евреек: Голды, Рифки, Рохли, Лейки, Ганзы и Пейзы в красных тюрбанах, в мушках, с рассыпанными волосами по плечам владычествовали над походными сердцами.

В этот же город приехала труппа актеров, и г. антрепренер, заплатив полиции положенный штраф за намерение играть трагедии, комедии, оперы, драмы и мелодрамы, к удовольствию городской публики получил дозволение воспользоваться театром, который поступил в городскую собственность также от одной походной труппы актеров, изгнанной из города за то, что осмелилась по болезни некоторых из действующих лиц отложить спектакль до другого дня. Приехавшая труппа актеров принадлежала уже не к тому времени, когда публику сзывали в театр бубнами и литаврами, когда без предуведомления о достоинстве пьесы и без испрошения снисходительного воззрения на игру актер не смел ступить на сцену, а публика без предварительного экстракта или объяснения пьесы, изложенного в прологе, не понимала смысла; но она принадлежала к той эпохе, когда порок и добродетель не смели соединяться в одном и том же действующем лице, но боролись отдельно, боролись друг с другом, а не с душою человеческою.

Настало роковое время — 6 часов пополудни; театр осветился площадками. Четыре жида — с скрипкой, виолончелью, цимбалами и треугольником — засели перед сценой. Занавес с изображением Аполлона и девяти муз, покрытых вохрою и суриком, волнуется уже от сквозного ветра. Все действующие лица уже готовы для представления драмы, только недостает еще маркиза Лафаста, *преступника от любви*, главного лица. Французский король, в черном фраке, в лентах и звездах, в тафтяной мантии, усеянной блестками и мишурой, ходит с досадою по сцене, распоряжается за кулисами, твердит по тетрадке роль свою, а у всех спрашивает, пришел ли Зарецкий.

Софья, *добродетельная преступница*, также заботится об нем.

Публика наполняет уже театр. Приехал и городничий с своим семейством. Музыка загремела мазурку... а маркиза Лафаста нет.

— Чорт! — восклицает в отчаянии король.

— Боже! — восклицает София.

— Я сгоню его, не будь я антрепренер! — восклицает король.

— Посмотрим, как сгоните! и я отойду прочь! — восклицает София.

— Что ж мне делать? Что мы будем делать без него? — восклицает король.

— Подождут! велика беда, — восклицает София.

— Как подождут?

— Да так же; и в столицах ждут, не только что в поганом городишке!

Ждут; а маркиза Лафаста нет как нет. Жида проиграла все мазурки и польские, принялись снова за *мазуречку панну*. Публика, по примеру супруги городничего, бьет в ладоши, стучит ногами; а городничий послал за кулисы хожалого с приказанием начинать.

— Чорт! Что нам делать? — вскричал снова король. — Нет, вон, долой с театра!

— Посмотрим! — повторила опять София, — а я сейчас же долой с себя костюм!

— Что ж нам делать без него? Мы погибли! Как объявить публике? Да я и в тюрьме места себе не найду!

Хлопанье и стук повторились сильнее прежнего; хожалый явился снова с приказанием поднимать занавес.

— Чорт! — вскричал король с отчаянием. — Поднимай занавес! Луидор, выходи; выкидывай все явления, где маркиз Лафаст. Начинай с 3-го явления.

Занавес поднялся.

— *Что я слышал!., что видел!* — вскричал страшным голосом актер, игравший роль Луидора, выбежав на сцену.

И вся публика захлопала; и драма играется без главного действующего лица, идет прекрасно, принимает новый смысл, носит на себе первообраз новой драматической школы.

И публика довольна. Публика в исступлении от игры Софии, *добродетельной преступницы*.

— *Фора, фора!* — кричат ей после всякого монолога, и бедная София должна выходить снова, повторять монологи в несколько страниц.

А Зарецкого нет как нет; во второй пьесе он должен играть *неистового Роланда*; ждут — не является.

И снова король, но уже Карл Великий, обнадеженный успехом драмы, решается начинать и «*Неистового Роланда*» без неистового Роланда.

— Где же неистовый Роланд? — спрашивают друг у друга зрители в половине пьесы, и городничий посылает за кулисы спросить, где же неистовый Роланд.

— Неистовый Роланд?.. В отсутствии, — отвечает содержатель театра, сняв корону пред полицейским чиновником, присланным от городничего.

— Как в отсутствии?

— В отсутствии-с, но он прибудет к заключению пьесы.

И этот ответ удовлетворяет публику; все с нетерпением ждут заключения. София является уже Ангеликой, Луидор — китайским рыцарем; являются волшебник, пастух... и никому не хлопают, ждут Роланда. Карл Великий слышит ропот публики.

— Я погиб! — говорит он, сбросив с себя королевскую порфиру и корону...

Вдруг раздается на дворе шум.

— Что там такое? — спрашивает городничий.

— Не здесь ли господин лекарь? — раздается снаружи голос.

— Что там такое? — повторил грозно городничий.

И все полицейские, находившиеся в театре, бросились вон узнать причину шума. Сквозь толпу их продрался слуга лекаря.

Его схватили за ворот.

— Что тебе, мошеник?

— Осипа Ивановича требует какой-с генерал, что остановился у господина казначея, — отвечал запыхавшись слуга.

В то же время к городничему подбежал писарь полиции.

— Ваше высокоблагородие! — сказал он ему шепотом. — Кажись, что новый генерал-губернатор приехал!

— Неужели! — промолвил городничий, смутясь. — Ах ты, несчастье! как обманули! а мы ожидали его недели через две! Да точно ли генерал-губернатор?

— Точно, ваше высокоблагородие: только что приехал, потребовал к себе городского; вишь, не очень здоров с дороги.

Городничий, не говоря ни слова, бросился вон из театра.

— Губернатор, губернатор! — раздалось шепотом между публикою. При этом имени все чиновные служащие люди встали с своих мест, засуетились, забыли пьесу, заходили между стульями, пробираясь вон.

— Виноват, почтеннейшая публика! — произнес вдруг жалким, умоляющим голосом содержатель театра, выбежав с отчаянным лицом на сцену. — Прошу милости и прощения! Я не причиной тому, что мой актер пропал!..

В общем шуме сборов, стучанья дверями никто не расслышал слов антрепренера, вообразившего, что публика наконец догадалась, что неистового Роланда нет на сцене.

Все приняли его самого за неистового Роанда, который должен был явиться к заключению пьесы, и, выходя из театра, хлопали и кричали *фора!* Антрепренер повторил извинение; занавес опустился.

Глава IV

— Генерал-губернатор! генерал-губернатор! — раздавалось в толпе, выходящей из театра. — Генерал-губернатор! — несло по улицам города. И служебный народ возвратился домой с мыслию: *генерал-губернатор!* около которой образовалась сфера идей об ответственности за беспорядок и неисправность.

Городовой лекарь также пришел в ужас. Он никак не воображал, что генерал-губернатор может иметь нужду в уездном лекаре: не лечиться ездит он по губернии, а взыскивать за нерадение по службе.

Вследствие этой мысли городской лекарь торопится домой, чтоб сбросить фрак, надеть мундир, вооружиться шпагою; и между тем посылает за своим помощником, ждет его с нетерпением, бранит за медленность, приказывает составить список больных городской больницы, с трепетом едет в дом казначея, входит в переднюю и, отирая пот на лице, спрашивает у слуги: дома ли его высокопревосходительство?

Его вводят в залу. Казначей с женой и двумя дочерьми встречают его, чуть дотрогиваясь до полу, и шепотом рассказывают ужасное событие, как его высокопревосходительство разбила лошадь, как выпал его высокопревосходительство из экипажа, к счастью подле их дома; рассказывают, что его высокопревосходительство весь разбит и лежит без памяти на диване в гостиной, и просят войти туда осмотреть раны его высокопревосходительства.

— Как же это можно, — говорит лекарь, — войти без особенного на то приказания его высокопревосходительства! Не лучше ли подождать, когда он очувствуется и потребует медика?

— Помилуйте, Осип Иванович, что вы изволите говорить? Его высокопревосходительству нужна неотлагаемая медицинская помощь, потому что вся голова его от сильного удара при падении приведена в окровавленное состояние.

Лекарь убедился словами казначея; поправив мундир и шпагу и взяв в правую руку треугольную шляпу, он вошел в гостиную.

На диване лежал средних лет мужчина с окровавленным лицом, с огромной посиневшей шишкой на лбу, в сертуке, на котором сияли три звезды.

— Пощупайте у его высокопревосходительства пульс, Осип Иванович, — сказал тихо казначей.

Лекарь пощупал пульс и пришел в себя, потому что его высокопревосходительство действительно был без памяти.

— Что скажете?

Осип Иванович покачал головою.

— Не нужно ли пустить кровь?

— Да, нужно бы! Его высокопревосходительство без памяти. Не худо бы послать за фельдшером.

— Помогите, почтеннейший Осип Иванович! Вы представьте себе, что его высокопревосходительство будет почитать вас и меня своими спасителями. Если б не я, действительно он погиб бы, изошел бы весь кровию. Надо же быть такому счастью: еду в театр, выезжаю из ворот, слышу стук экипажа и вдали крик, а под ногами слышу стон. Что это значит, — думаю себе. Стой! слезаю с дрожек, гляжу — что же? Его высокопревосходительство у мостика лежит в канаве, весь разбит, как видите. Экипаж, верно, опрокинулся, лошади понесли под гору и, верно, прямо в Днепр...

— Необыкновенное счастье, — подхватила жена казначей, — что коляска вовремя опрокинулась, иначе и его высокопревосходительству быть бы в Днепре.

— Помогите скорее, Осип Иванович, — прервал казначей. — За спасение жизни он возьмет нас под свое покровительство.

— Употреблю все искусство. Мы пустим ему кровь... Послали за фельдшером?

— Послали, послали! — отвечали жена казначей и две ее дочери.

Лекарь подошел к больному.

— Голова вся разбита!.. Боюсь, не потревожился ли мозг, — прибавил он важно.

Фельдшер пришел. Руку больного освободили из рукава, натянули, перевязали выше локтя; жила напряжилась, ланцет щелкнул, кровь брызнула в потолок.

— *Несчастный!* — вскричал больной, отдернув руку. — *Дай, обойму тебя!.. будем сражаться с смертью!..*

— Боже, он умирает! — вскричали все женщины и выбежали вон.

— Что? нет надежды, Осип Иванович?

Посмотрим! Помогите держать руку его высокопревосходительства, — отвечал лекарь, и при помощи казначей и фельдшера снова натянули руку больного, и снова ланцет стукнул, а кровь брызнула струей.

— *Смертельный удар!* — вскричал больной в беспомощности. Лекарь отскочил со страхом.

— Боже, что вы сделали! — произнес казначей.

— *Тление объяло все мои члены!..* — продолжал беспомощный, вскинув руку, из которой лилась кровь. — *Пожирающее время губит память мою! земля разверзается! Стой!.. обрушим с собою землю! Она дрожит!.. прочь!..*

Судорожная дрожь обняла больного; долго продолжал он бредить; но слова его заглушались стуком зубов. Наконец умолк, впал в совершенное бесчувствие.

— Есть ли надежда, Осип Иванович? — спросил казначей.

— Увидим, что скажет ночь, — отвечал лекарь.

Целую ночь лекарь и казначей провели в дремоте подле больного. Под утро он пошевелился; глубокий вздох вылетел из груди.

— Слава Богу, будет жить! — вскричал лекарь.

— *Жить!* — повторил больной.

— Он приходит в чувство! — сказал, перекрестясь, казначей.

— *Мне говорит мой государь, мой друг... верю... остаюсь жить...* — произнес больной и продолжал что-то невнятно.

— Слышите? Друг государя! Его высокопревосходительство прямо из столицы! — прошептал казначей на ухо лекарю.

Больной снова заговорил что-то невнятно и потом продолжал:

— *Знаю, государь... я... все благополучие полагаю в том, чтоб делать людей счастливыми... а теперь... ах, как я несчастлив!..*

— Успокойтесь, ваше высокопревосходительство! Осип Иванович поможет вам, а у меня в доме вы изволите быть как у себя в доме...

— Тс! — прервал лекарь слова казначея. — Не говорите теперь с его высокопревосходительством, он еще не пришел в себя, оставьте его; он, кажется, заснул. Я между тем схожу домой отдохнуть и приготовить необходимую микстуру из хины; о, это новое вернейшее средство от всех болезней: все роды лихорадок как рукой снимает; а всякая болезнь есть не что иное, как лихорадка. Вы сами видите пример над его высокопревосходительством. Ушиб сам по себе есть не что иное, как наружное воспаление; а как ужасно его трясло; стоит только прекратить внутреннюю дрожь, и все кончено.

И лекарь отправился домой; но у ворот столкнулся он с городничим во всей форме, который торопился представляться генерал-губернатору.

— А! Осип Иванович!

— Куда вы?

— К его высокопревосходительству, донести о благосостоянии города.

— Невозможно! — вскричал лекарь. — Не может принять; он только что стал приходить в себя; лошади разбили его жестоким образом; но я принял все необходимые меры.

— Какие, сударь, меры с вашей стороны? Как начальник города я должен принимать все меры и первый явиться к его высокопревосходительству для получения приказаний!

— Как вам угодно, господин городничий: я не буду виноват, если его высокопревосходительство не выздоровеет! — отвечал лекарь.

Городничий вошел в переднюю. Казначей вышел к нему на цыпочках.

— Тс! его высокопревосходительство уснул.

— Я удивляюсь, господин казначей, — сказал городничий строгим тоном, — каким образом вы осмелились предложить его высокопревосходительству дом свой и вмешиваться в распоряжения полиции!

— Помилуйте, — отвечал казначей, — его высокопревосходительство в глазах моих разнесли лошади, и я поднял его подле моего дома всего разбитого, без памяти...

— Тем хуже, сударь! Без ведома полиции вы не смели поднять на улице человека беспамятного и тем более внести в свой дом! Мое дело было исследовать, кто такой лежит на улице в бесчувственном состоянии и, узнав, что генерал-губернатор, отвести ему приличную квартиру, а не лачужку, сударь!.. Это происки, государь мой! Вы подкапываетесь под свое начальство; вы человек беспо-

койный, вы не знаете подчиненности! Генерал-губернатор у вас в доме, а вы смеете быть в халате! Я донесу, сударь, на вас! Ей, хожалый! как только его высокопревосходительство проснется, донести немедленно мне!

Городничий скорыми шагами вышел из передней, отправился в полицию приводить все в порядок.

Казначей в самом деле испугался слов городничего и раскаивался, что вмешался не в свое дело.

Казначей был добрый человек, ученый человек; был большой антикварий по части законов, и это повредило ему, перессорило со всеми.

Он читал Правду Русскую, Устав святого князя Володимера, Судебник царя Ивана Васильевича и знал, что чин казначейский издревле был важный чин, что некогда главною должностию казначея было хранить государево платье и оберегать оное от волшебства и чародейства.

С городничим поссорился он за то, что сказал ему, что искони городские воеводства, т. е. городничества, давались вместо жалованья и кормления из милости, для нажитка и что в челобитных о воеводствах писали: *прошу отпустить покормиться*; и что воеводы судили прежде вместе с старостами и целовальниками.

Последнее было принято городничим за смертельную обиду. Он почел это за упрёки в нетрезвости, ибо казначей не потрудился ему объяснить древнего значения слова *целовальник*.

С стряпчим городского магистрата казначей поссорился за то, что, объясняя ему старинную должность стряпчего — одевать, обувать, омывть и чесать государя и за неимением карманов носить носовой царский платок, осмелился прибавить, что стряпчие прежде были под началом у *ключников*.

С своим начальником казначей жил в худом ладу за то, что не ставил в книгу расхода сумм, издержанных им не на казенные потребности.

Таким образом, казначей, не предвидя добра быть бельмом на глазу у своих начальников и сослуживцев, хотел просить его высокопревосходительство о переводе его в другой город.

Глава V

Между тем колодник, занимавший место писаря в полиции, отведен в острог; шкаф, наполненный вместо дел, валявшихся на столе и под столом, остатками ужина, куском жареной говядины, раскрошенным хлебом и бутылкою с чем-то, очищен; непроспавшаяся команда поставлена на ноги; письмоводитель с синим носом, после нескольких начальнических тычков, сел составлять рапорт о благосостоянии города и список колодников, содержащихся в остроге; часть полицейской команды побежала ловить по городу подводы и рабочих людей для чищения улиц.

Из магистрата и прочих судебных мест также вынесена не принадлежащая к производству тяжёбных, уголовных и письменных дел посуда и утварь. Судьи

принялись повторять зады, составлять задним числом журналы и подводить итоги в шнурованных книгах.

Когда дошло известие о прибытии в город генерал-губернатора до командира гарнизонного округа, до подполковника Адама Ивановича, сердце старика обдалось ужасом.

Гарнизонный солдатик стоял в почтительном положении, руки по швам, близ дверей, и в молчании ожидал начальничьего приказания.

— Уж не приехал ли с ним и наш генерал? — произнес наконец окружный командир.

— Не могу знать, ваше высокоблагородие! Полицейский посыльный того не говорил; може приехал, а може и нет!

— Был ты у Ивана Ивановича?

— Был, да его благородия нет в квартире!

— Боже мой! нет в квартире! Что ж я буду делать!.. Беги, ищи его, скажи, что окружный командир приказал просить его к себе! — вскричал, расходясь по комнате, Адам Иванович.

— Слушаю, ваше высокоблагородие!

И гарнизонный солдатик, приложив левую руку к тесаку, поворотил налево кругом, притопнул правой ногою и отправился было вон; но окружная командирша, прибывшая из гостей, столкнулась с ним в дверях и остановила левую его ногу, подытую для скорого марша, следующим вопросом:

— Зачем ты здесь? а?

— К его высокоблагородию! — отвечал солдатик, вытянувшись во фронт.

— От кого?

Из полиции. Его превосходительство приехал, губернатор.

— Губернатор? Ах Боже мой! Что ж ты, Адам Иванович, задумался? а? ведь ты командир! твое бы дело собрать команду да представить!

— А вот, мой друг, придет Иван Иванович; распоряжения должны идти по команде.

— Без Ивана Ивановича и дело не обойдется! — вскричала окружная командирша. — То-то разиня начальник! подчиненный что хочет, то и делает! Сел тебе Иван Иванович на шею! Без Ивана Ивановича солдат из кухни начальника лохани не смей вынести, не только что-нибудь на хуторе сработать! Что ж, сударь... что не бежишь сам к Ивану Ивановичу? Посмотрю, как-то ты натянешь свой изношенный мундиришко? В двадцать лет службы не выгадал ни жене, ни себе на порядочное платье!..

Окружная командирша не умолкала до самого прибытия Ивана Ивановича.

Иван Иванович, лихой поручик, лет сорока от роду, в бледно-зеленом мундире, с парюю свесившихся на грудь желтых, с кованым почерневшим ободочком, эполет, вошел в комнату; огромная шпага его, как палаш, стучала об ноги и об пол; в треугольной его шляпе торчала репица бывшего черного пера; левый глаз его щурился, левая часть рта подергивалась, бакенбарды отвисли, как мохнатые уши легавого пса; лоб морщился.

— Что изволите приказать? — произнес он, воткнув указательный палец правой руки между 3-й и 4-й пуговицей.

— Ах, любезный Иван Иванович! Вы слышали, что приехал генерал-губернатор? Должно сделать надлежащее распоряжение и отдать приказ по команде.

— Действительно-с так, потому что по случаю прибытия его высокопревосходительства команда имеет быть собрана во всей амуниции и в предписанном порядке представлена для инспекторского смотра, который имеет быть учинен. А также по случаю прибытия его высокопревосходительства имеет быть назначен почетный караул к занимаемому его высокопревосходительством дому.

— Так, так, Иван Иванович; следовательно, вы назначите караул.

— Да не благоугодно ли будет представить рапорт о благосостоянии команды, о числе постов и больных?

— Так, так, Иван Иванович, конечно, мне должно представить рапорт о благосостоянии вверенной мне команды.

— Кстати, Адам Иванович, вы бы изволили представить его высокопревосходительству, что городничий осмеливается распоряжаться гарнизонной командой мимо начальства и брать без вашего ведома солдат на съезжу.

— Да, да, Иван Иванович, справедливо; в следующий приезд его высокопревосходительства я донесу обо всех злоупотреблениях полиции, а на сей раз мы подадим только рапорт о благосостоянии команды...

— Как вам угодно, а я бы в глаза сказал городничему: как он осмеливается делать такие вещи!..

— Я скажу ему, скажу! он не смеет этого делать! — сказал Адам Иванович, заходя в комнату.

— Так как же? Прикажете завтра поутру собрать команду на площадь?

— Да, да, непременно на площадь, во всей амуниции.

— Пойду в пакхауз да велю почиститься да побелиться.

— Хорошо, хорошо, Иван Иванович, прикажите, чтоб все было в надлежащей исправности и чистоте.

Поручик отправился, а господин окружный командир, довольный своими распоряжениями, набил наследственную пенковую трубку кнастером и стал раскладывать гран-пасиянс.

Глава VI

Настало утро. Поручик Иван Иванович, перетянутый нитяным шарфом, ходит с обнаженной шпагой по фронту гарнизонных солдатиков, равняет линию и ожидает окружного гарнизонного командира.

Сопровождаемый вестовым, является наконец Адам Иванович, в огромных ботфортах со шпорами, в лосиных панталонах, заменяющих белые суконные, в бледно-зеленом мундире с дутыми пуговицами и с желтым стоячим воротником, который от времени сделался откладным, в треугольной шляпе, опроки-

нувшейся назад; перетянутый трехцветным шарфом, как будто для поддержания живота, Адам Иванович походил на Карла XII.

— Здорово, ребята! — вскричал он, подходя к фронту.

— Здравия желаем! — крикнули солдатики.

— Прикажете сделать репетицию? — сказал поручик, подошед к нему и приложив руку к шляпе.

— Репетицию, репетицию! — отвечал важно окружный гарнизонный командир.

— Смирно!.. Смотрите, ребята, не робеть! делать, что скамандует Адам Иванович! — сказал поручик, обращаясь к фронту.

— Извольте командовать, Иван Иванович!

— Что прикажете? — отвечал поручик, приложив руку к шляпе.

— Извольте командовать... по принадлежности.

— Слушаюсь! — отвечал поручик. — Смотри же, ребята, не робеть; делать, что я буду командовать, — вскричал он, обратясь к команде.

И поручик встал уже перед фронтом, вложил шпагу в ножны, вытянулся, откашлянул, разинул рот:

— Слу-у-у-у...

— Помилуйте! Адам Иванович! — прервал его звонкий голос городничего, скакавшего по городу для восстановления порядка и остановившегося перед фронтом подле окружного командира. — Помилуйте, вы по сие время не назначили караула к его высокопревосходительству, не отправили даже вестовых и ординарцев!

— Я свое дело очень знаю! — отвечал сердито Адам Иванович вслед за удаляющимся городничим. — Иван Иванович, извольте назначить караул, вестовых и ординарцев к его высокопревосходительству.

— Ребята, кому следует на караул? выходи! — скамандовал поручик.

И солдаты завели спор, кому следует идти в караул.

— Не прикажете ли, Адам Иванович, поставить две будки к воротам его высокопревосходительства?

— Непременно, непременно! да не забудьте назначить двух часовых к экипажу его высокопревосходительства.

— Слушаю-с! — отвечал поручик. Адам Иванович отправился, сопровождаемый вестовыми, к его высокопревосходительству.

Между тем все чиновные и служебные люди города, члены купечества и городской голова нахлынули в дом казначея и на цыпочках вошли в малую залу. В мундирах, с подобострастной важностью на лицах, построились они по старшинству у дверей комнаты, держась левою рукою за шпаги, а тремя пальцами правой придерживая по форме треугольные шляпы.

Наблюдая почтительное молчание, они смотрели на притворенные двери гостиной.

Приемная зала есть также сфера солнечного мира, в которой носятся планеты разной величины и свойства. Быстрый и яркий Меркурий носится из кабинета в приемную, из приемной в кабинет, крутится бесом около Солнца, ва-

жен чужим светом; чиновный Юпитер, по уши в шитом воротнике, с четырьмя своими спутниками, расставив ноги, глядит на всех свысока; заслуженный, лысый Сатурн, приобретший за долговременную службу и понесенные труды светлый ореол, сидит молчаливо и важно в углу залы; холодный Уран, с синим носом, угрюм и мрачен, стоит в другом углу; он в немилости у Солнца, на него никто не смотрит, никто не видит его, кроме наблюдательных астрономов и семи жалких подчиненных. Марс, в красном воротнике, заложив палец за мундирную пуговицу, надут и рдян, стоит, вытянув неподвижную шею и передвигая вправо и влево зрачки, готовые всегда встать во фронт перед ясными глазами начальника. Все прочие малой величины планеты и спутники, как неподвижные звезды, рассыпаны по зале, стоят в почтительном положении, посматривая на восток, ждут Солнца. Люцифер повещает его... Взойдет оно, и важность планет исчезает, их не видно, в зале как будто никого нет, кроме Солнца.

В зале казначея вся эта процессия была проще, провинциальнее.

Но вот дверь в гостиную отворилась, все вздрогнули, вытянулись...

Вышел казначей.

— Тс! — произнес он тихо. — Его высокопревосходительство не могут принимать теперь, они уснули.

Все на цыпочках подошли к казначею, обступили его, осыпали вопросами; но его начальник, председатель магистрата, имеющий полное право на его особу, воспользовался этим правом, взял своего подчиненного за руку и отвел в сторону для допросов.

— *Боже мой!* — раздался громкий голос из гостиной. Председатель отскочил от казначея, рассыпавшийся фронт чиновников построился снова, казначей бросился в гостиную. Подле постели стоял лекарь с ложкой микстуры, которую он хотел влить в рот больного.

— *Она совсем почти лишила меня рассудка и вольности, похищает то время, которое я обязан посвящать должности, возложенной государем и отечеством!..* — произнес больной и продолжал что-то невнятно и вдруг, взбросив голову, вскочив с места, вскричал: — *Что я вижу? это дом Софии? Это храм, где обитает божество души моей!..*

Лекарь взглянул на казначея, казначей весь вспыхнул. «Не понимаю, — подумал он, — когда его высокопревосходительство был у нас и видел дочь мою!»

Городничий, услышав голос его высокопревосходительства, не утерпел. «Я — начальник города, я должен явиться к генерал-губернатору, да и что ж за такая особа казначей, что смеет входить к его высокопревосходительству без доклада!» — думал он и вошел в гостиную.

Больной бросил на него взор и вскричал:

— *Кто ты, дерзкой!*

— Ваше высокопревосходительство... я... городничий... честь имею.

— *Кто осмелился лишить меня первого в жизни удовольствия? Говори!* — продолжал больной грозным голосом.

— Не могу знать, ваше высокопревосходительство!.. Я не был предуведомлен о вашем приезде... У меня и квартира готова для вашего высокопревосходительства... постоянно шесть лет исполняю я должность свою с рачительностью...

Во время слов городничего казначей и лекарь стояли в почтительном положении, вперив очи в землю; а больной продолжал что-то говорить про себя и вдруг произнес вслух, прервав слова городничего:

— *Что ж ты мне скажешь?*

— При сем имею честь представить рапорт о благосостоянии вверенной мне должности...

Слова его прервал окружный гарнизонный командир. Вступив в комнату в кивере, он мерными шагами подошел к дивану, приложил руку к козырьку и произнес громко:

— Вашему высокопревосходительству честь имею...

— *Сделайте милость, оставьте меня!* — вскричал больной умоляющим голосом.

Адам Иванович отступил, замолк, затрясся.

— *Неужели все против меня? Неужели все согласились на мою гибель? Гибель! нет!..* — и с этими словами, кинув грозный взор и сбросив с головы повязку, продолжал скороговоркою бессвязные слова.

Городничий, Адам Иванович, казначей и лекарь молчали, не смея поднять глаз.

— *Что это значит!* — продолжал опять больной явственно. — *Все за мной ходят и не хотят ни на час меня одного оставить!..*

Городничий, Адам Иванович, казначей и лекарь, исполняя волю его высокопревосходительства, вышли из комнаты, а он продолжал говорить что-то громко, с сердцем.

— *Пойдемте, господа,* — сказал городничий, — его высокопревосходительство предубежден против нас. Это каверзы господина казначея.

— *Напрасно изволите говорить, напрасно!* — повторял казначей вслед за уходящими.

Глава VII

В спальне казначея был ужасный спор между ним и его женою.

— Полно, сударь! ты думаешь только о своей дочери, а мою ты готов на кухню отправить, сбить с рук, выдать замуж хоть за хожалого. Я своими ушами слышала, как он произносил имя Ангелики.

— Помилуй, душенька, я могу тебе представить в свидетели Осипа Ивановича. Как теперь слышу слова его высокопревосходительства: «Это дом моей Софии, моей дражайшей Софии!»

— Ах ты этакой! Так ты и последний домишко хочешь отдать в приданое своей возлюбленной Софии!.. Нет, сударь, этому не бывать!..

— Прямая ты мачеха! Бог с тобой! По мне все равно: и Ангелика моя дочь; впрочем, кто тебя знает...

С сердцем казначей вышел из комнаты, не кончив речи.

— Лысый чорт! Сам в себе *сумлевается!* — проворчала казначейша и кликнула Ангелику.

— Принарядилась? Вот так! хорошо; косыночку-то попусти немного на плечики. Ну, ступай; скажи, что я, дескать, лекарства хочу дать вашему высокопревосходительству.

Вятской породы, рябенькая, одутловатенькая, Ангелика, получив наставления от матери, вошла в комнату больного. Он лежал в забывчивости, глаза его были устремлены в потолок. Ангелика стукнула склянкой.

Больной оглянулся, привстал и произнес, устремив на нее взоры:

— *Пойду к ней... да не подозрительно ли?.. нет!.. Смеею спросить, сударыня, о чем вы изволите беспокоиться?*

— Лекарство вашему высокопревосходительству...

— *Да вы на кого-то жаловались?*

Ангелика вспыхнула. «Боже! — думала она, — он слышал, как я жаловалась на Софию матушке».

— Никак нет-с, я не жаловалась; у меня нет ни на кого сердца.

— *Если угодно, я могу служить вам своим.*

— Я не стою, ваше высокопревосходительство...

— *Любовь!* — вскричал он, отворотив голову в сторону. — *Теперь вспомоществуй мне!* — и, обратись к Ангелике, продолжал: — *Ах, сударыня, вы не откажете мне в вашей услуге!..*

— Что вам угодно приказать?

— *Открою вам тайну, меня угнетающую... ужасаюсь!.. Я б хотел открыть вам мое сердце, но язык не повинуется моему желанию...*

— Если вы мне сделаете честь... мое состояние...

— *Не в моей воле открыть вам причину моего беспокойства... Оно началось в тот самый день, как в этом доме было печальное происшествие...*

«Когда умерла бабушка, меня здесь не было; я с матушкой была на ярмонке; только сестра оставалась», — подумала Ангелика и вспыхнула.

— *Я видел божество, которого прелести ввергли меня в это бедствие.*

— Я не знаю-с! — отвечала с сердцем Ангелика. — Может быть, моя сестра София...

— *По крайней мере, в вашей воле дать случай в последний раз на нее взглянуть!* — сказал больной, смотря на нее неподвижными глазами.

— Извините-с! — произнесла, вспыхнув, Ангелика и, присев с презрительной улыбкой, выбежала из комнаты...

— Это ужас! — вскричала она, хлопнув дверью. — Он требует, чтоб я дала случай видеться ему с Софией.

— Видишь ли, мой друг? — сказал казначей, входя в комнату. — Не я ли тебе говорил?

Очень рада, сударь, что свел дочку свою с вельможей; она годна на все руки! — вскричала казначейша.

Между тем больной что-то говорил вслух; слова: «а после приведи ко мне доктора, да как можно поскорей!» — громко раздались.

Казначей бросился к нему.

— Что угодно вашему высокопревосходительству? — произнес он тихо.

Больной, склонясь на подушки и смотря в потолок, продолжал:

— Слабость моя уменьшается...

— Слава Богу, ваше высокопревосходительство! — сказал казначей, сложив руки и поклонившись. Больной продолжал:

— Силы подкрепляются какою-то надеждою... Конечно, Софья в безопасности. Ах, если бы исполнилось предчувствие! Всесильное существо! какую принесу тебе благодарность, когда увижу в своих объятиях дражайшую Софью! чу, я слышу ее голос!..

— София, София! — вскричал казначей, выбежав в спальню и схватив Софию за руку. — Ступай, поднеси его высокопревосходительству лекарство.

София, добренькая, скромненькая девушка, с голубенькими глазами, на которых еще светились слезы от брани мачехи, втолкнутая отцом в комнату больного, остановилась и закрыла платком лицо.

— Я жив еще, любезная София! жив еще! не мучься! — вскричал больной, протягивая к ней руки. — В каком она исступлении! а, это от любви ко мне!.. О, сердце мое раздирается болю и досадой!..

— Куда ты, София! — прошептал казначей, удержав дочь свою, которая хотела выбежать. — Извините, ваше высокопревосходительство, моя София немного застенчива.

— Не беспокойся, дражайшая! мне оставлена жизнь... благодари провидение!.. тьфу, дурак суфлер не подсказывает... Как бишь?..

— Батюшка! пустите меня! — произнесла София, вырываясь из рук отца.

— Я жив, — продолжал больной, — и жив для того, что тебе это драгоценно...

— Слышишь, глупая! — шепнул казначей на ухо дочери.

— Теперь помоги мне встать, любезная София! Самому мне не позволяет слабость...

— Позвольте, я, ваше высокопревосходительство, приподниму вас! — С этими словами казначей бросился помочь больному привстать, а София выбежала вон из комнаты.

Приподнявшись с дивана, больной устремил глаза на казначея, долго что-то шептал про себя; потом вдруг, схватив подушку и приподняв ее, вскричал:

— Что! Или ты, варвар, затем пришел сюда, чтоб докончить свои злодеяния?

— Ваше высокопревосходительство! милостивейший государь!.., я ничего-с!.. — произнес казначей, затрепетав, как лист.

— А где государь?

— Не нам, мелким людям, а вашему высокопревосходительству довлеет знать сие, — отвечал казначей, почтительно поклонясь.

— Как можно, чтоб государь дал тебе команду надо мною?.. — вскричал снова больной.

— Не смею и думать, ваше высокопревосходительство; я человек подкомандный, всеми распоряжается сам председатель...

— Я сам к нему сейчас еду! — вскричал больной и вдруг вскочил с дивана, накинул на левое плечо сертук, который был сдернут с руки для пускания крови, схватил лежащую шляпу казначея и скорыми шагами вышел вон из комнаты. В передней вскочили с мест слуги, вытянулись во фронт гарнизонные вестовые и ординарцы, у ворот часовые ударили темп на караул, махальный дал знак гауптвахте, которая была вблизи на площади.

Его высокопревосходительство отправляется скорыми шагами по улице на площадь.

Глава VIII

Между тем в городе служебная деятельность необыкновенна, исправность по службе дивная, порядок примерный; во всех усердие, достойное внимания вышнего начальства; в магистрате и судах все в мундире и при шпаге, регламент ожил, перед зеркалом *чинят* и *вчиняют* правду по законам, судят и рассуждают о делах, а не о вчерашнем дне и городских новостях; в городской больнице лекари щупают пульс каждого больного, лекарство прописывается не для всех одно, диета не общая; гарнизонная команда на площади, учится учебному шагу; полицейская команда на стороже. Городничий подписывает рапорты, *доношения* и отношения, квартирные билеты и отправления колодников по этапам; занятия его прерывает вошедший антрепренер театра глубоким поклоном.

— Здорово, любезный! Что это? афишка нового представления?

— Никак нет, ваше высокоблагородие, просьбица!

— Иванов, возьми и читай! — сказал городничий, продолжая подписывать бумаги.

Письмоводитель начал читать:

— По титуле: вольноотпущенного Якима Прохорова Козырина прошение; а о чем, тому следуют пункты: 1-е. Быв по ремеслу актер и поступив в директоры, си-речь содержатели вольной труппы, я производил на сцене разные пьесы, как-то: комедии, оперы, трагедии, к совершенному удовольствию публики, на ярмарках и в провинциальных городах Всероссийской империи, имел на то повсюду дозволения местного начальства, на собственный кошт, с различными декорациями и костюмами. 2-е. В прошлый год, на Ростовской ярмарке поступил в труппу дирекции моей мещанин Корнелий Иванов Зарецкий по контракту с тем, дабы быть на моих хлебах и играть трагические роли, а когда нужда воспоследует, то и комические; в случае же отсутствия или болезни оперного артиста труппы моей, отставного баса певческой кафедрального собора, имеет он, Зарецкий, и петь. Несмотря на сие, он, Зарецкий, по прибытии в сей город, от должности своей скрылся и снес от меня, содержателя, разные костюмы, а именно: бархатные штаны, сертук синего сукна с красным стамедным под-

боем, жилет зеленый шелковый шитый, на сертуке три звезды фольговые, шитые канителью, и сверх того забрал вперед денег сто двадцать рублей; коего прошу оную полицию отыскать и, поступив по законам, вышеозначенные вещи и деньги мне возвратить. К поданию надлежит в городскую полицию. Прошение сочинял и переписывал со слов просителя сам проситель. К сему прошению руку приложил и т. д.

— Ты, братец, не выставил в просьбе, сколько ему от роду лет, какие приметы, женат или холост, где приписан к мещанству!.. Это вещи, необходимые для полиции; по сим соображениям мы составим отношение в тот город.

— Ваше высокоблагородие! вот его паспорт.

Все равно, братец, — отвечал городничий, продолжая подписывать бумаги, — в просьбе должно быть все упомянуто. То-то, братец, чем бы самому сочинять и переписывать просьбу, ты бы обратился к человеку, знающему это дело.

— Позвольте, я вам напишу, — сказал письмоводитель, — это пустого стоит.

Вдруг на улице раздался шум.

— Узнать, что там такое! — вскричал городничий, продолжая подписывать бумаги.

Квартальный и служители полиции бросились вон и не возвращались: любопытство и обязанность повлекли их вслед за народом, который сбегался на площадь и стучался в толпу около неизвестного человека в треугольной шляпе. Сквозь народ заметны были только сверкающие его глаза и движения рук. Истукленным, страшным голосом он произносил:

— *...Великолепный город!.. Какое величие управлять им, блистать над ним подобно царственному дню!.. Погрузить в этот бездонный океан все клочущие страсти, все ненасытные желания!.. Пропасть!.. Повергните в нее все, что только человек имеет драгоценного!.. Ваши победы — завоеватели; ваши бессмертные произведения — художники; ваше сластолюбие — эпикурейцы; ваши моря и острова — мореплаватели!.. Дож! Какое блаженство стоять на этой ужасно возвышенной точке. Взирать на бурную пучину, где колесо слепой обманщицы вертит обстоятельствами людей! Какой восторг испить первому из чаши радости!.. Какое величие укрощать тонкою уздою неукротимые страсти людей, одним дуновением превращать в прах вздымающуюся гордость вассала!.. Раздроби гром на простые звуки, и ты усыпишь им детей; слей их в один внезапный удар, и величественный звук потрясет вселенную!..*

— Ваше высокоблагородие, ваше высокоблагородие! — вскричал прибежавший запыхавшись писарь полиции. — В городе страшный беспорядок; какой-то в азарте чинит буйство на площади...

— Как! — вскричал городничий, схватив шляпу и шпагу со стола. — Собрать всю команду!.. Послать к окружному командиру, чтоб шел с солдатами на площадь!.. За мной!.. — И с этими словами городничий бросился, как утробный, на площадь.

Между тем неизвестный продолжал:

— Неужели я, я, Фиаско, убил жену свою!.. О, заклинаю вас! Не смотрите, подобно бледным привидениям, на эту игру природы! Благодарю, Всевышний! Есть случаи, которых человек не может страшиться, потому что он человек!.. Кому отказано в восторгах божественных, тому неужели суждено терпеть мучения дьявольские?

— Вот он, вот, — раздался голос в толпе, стоявшей с открытыми головами.

— Вот он! Он убил свою жену.

— Молчи!.. Куда?.. — продолжал неизвестный, схватив одного попятившегося назад жидка за шиворот и отбросив его в толпу.

— Схватите его, схватите! — кричал полицейский офицер, продираясь сквозь народ.

— Превратись язык твой в крокодила! — заревел неизвестный, бросаясь на полицейского чиновника. — Ступай в бездну адскую!..

Полицейский чиновник увернулся и с подобострастием замолк, вытянулся во фронт: его испугал не сам неизвестный, но сиявшие на груди его три звезды.

— Схватите его, схватите! — раздался издали голос запыхавшегося городничего. Но народ отхлынул от неизвестного, когда, заскрежетав зубами, он произнес:

— Прочь, прочь, лица человеков! О! если б мироздание попало в мои челюсти! Человек!.. С какую радостью стоит это гнусное порождение и благословляет судьбу свою, что она не подобна моей! — продолжал неизвестный, указывая на стряпчего, который, растолкнув толпу, только что выбрался вперед. — На одного меня обратилась вся злоба ада!.. Брат! — продолжал он жалким голосом, ударив босого жидка в лохмотьях по плечу. — Благодарю тебя, Всемогущий, здесь есть еще один, которого разразил этот гром!..

— Зарецкий! — раздался новый голос в толпе. Это был содержатель походной труппы. — Вот он, вот он! — вскричал он, подравшись сквозь толпу и обхватив неизвестного. — Он пьянствовал! Я узнал его по монологу из Фиаско! Нашел место декламировать!.. Вот и костюм театральный и мои звезды! Счастье, что не пропил!..

Выведенная содержателем театра из недоумения полицейская команда обсыпала несчастного Зарецкого.

— Скрутите ему руки назад! — вскричал торжественно городничий. — Ведите в полицию для допроса.

Влекут несчастного Зарецкого. Невнятный, отрывистый его голос, сопровождаемый сверкающими глазами, не слышен в шуме преследующей его толпы.

Глава IX

Бедного Зарецкого привели в полицию; толпа народа обступила полицейский дом; крик, шум, толкотня. Городничий, заняв свое место, приказал вести преступника в судейскую, приказал письмоводителю приготовить бумагу для допросов.

Два будочника ввели Зарецкого; за ним вошел содержатель театра.

Городничий

Имя твое?

Зарецкий (в сторону)

Господи, Боже мой! ошибка! и где же? на сцене, во время представления! Он должен был сказать: *имя ваше?* (К городничему). *Конрад Туринский.*

Содержатель театра

Он пьян... ваше высокоблагородие... Он повторяет роль свою из драмы «*Вольные судьи*».

Городничий

Тс! Никто не перебивай слов моих! Звание?

Зарецкий

Имперский барон и член сего судилища.

Городничий

Как? что? новый подлог? Хорошо! (К письмоводителю.) Пиши. (К Зарецкому.) По какому случаю прибыл в сей город?

Зарецкий (в сторону)

Боже! Он не знает своей роли! Он и меня собьет с толку! (К городничему.) *Защищать мою невинность и занять место!*

Городничий

Хороша невинность! О, друг, ты займешь место в тюрьме!

Зарецкий (в сторону)

Чорт знает, что он говорит! Дураку дали роль Вольного судьи. (К городничему.) *Какое мое преступление?*

Городничий

Как? какое преступление? Запираться! Нет, приятель! Свидетель целый город... Говори, каким образом и с какой целью уговорился ты с господином казначеем сыграть роль генерал-губернатора! А?

Зарецкий (в сторону)

Врет! Я? роль генерал-губернатора? (К городничему.) *Где ж мой обвинитель?*

Содержатель театра

Да он, ваше высокоблагородие, спьяна бредит ролями, которые играл в театре.

Городничий

Тс! тем лучше, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. (К Зарецкому.) Отвечай на вопрос: с какою целию? а? Не с тою ли, чтоб похитить казенные сумы и вместе скрыться?.. Да!., я и позабыл было. (К квартальным.) Извольте отправиться немедленно, сейчас же и без малейшего отлагательства арестовать казначея. Если он скроется, то вы будете отвечать. Слышите ли? (К Зарецкому.) Ну, говори, с какою целию? А?

Зарецкий (в сторону)

Не то! (К городничему с удивлением.) *Какой звук голоса!*

Городничий

Говори! Что ты будешь на это отвечать?

Зарецкий

Что судилище слишком справедливо, чтоб наказывать заблуждения или чтоб расставлять сети.

Городничий

Какая дерзость! сети!..

Зарецкий (перебивает)

Да, сети! Всей Германии известны связи дружбы, родства...

Городничий (перебивает)

Связи дружбы и родства! А! наконец! (К писарю.) Пиши: «связи дружбы и родства!..» Пиши! Вот оно что! теперь-то объяснилось.

Зарецкий (в сторону, с сердцем)

Гадит, портит! Но дал всего высказать!

Городничий

А что казначей обещал тебе за это?

Зарецкий (в сторону)

Вместо: вы это обещали? Чорт знает, что говорит! (К городничему.) *И сдержал слово; он был мой друг...*

Содержатель театра

Да он, ваше высокоблагородие, декламирует роль из *Вольных судей*.

Городничий

Тс! молчать! Здесь не вольный, а казенный суд!

Зарецкий (продолжает)

Мой гость, а я изгнал его; он простирает ко мне руки, а я умерщвлял его...

Городничий (перебивает)

Позднее раскаяние!

Зарецкий (в сторону)

Совсем сбил меня! Что бишь? да! (К городничему.) *Должен ли он умирать два раза, два раза переносить томление при смерти! Кто б ты ни был... если это твое мнение, то у тебя сердце людоеда!* (Бросается к городничему.)

Городничий (вскочив с места, с ужасом)

Он убьет! Схватите его! Он убьет!.. Закуйте его в железа! Тащите его в тюрьму! колодки на ноги!..

Содержатель театра

Ваше высокоблагородие! он пьян, он спяна это все наделал. Извольте прослушать, он говорит не свои слова, это роль...

Городничий

Рогатку на шею! а завтра в кандалах представить его для вторичного допроса и личной ставки с казначеем! Разбой среди белого дня!

Глава X Заключение

В тюрьму к Зарецкому тайно приходила *добродетельная преступница*. Она застала его в беспамятстве, бросилась в его объятия, вскричала, как Ангелика:

— *Роланд! взгляни на скорбь мою о тебе!., успокойся, друг мой!..*

А он отвечал:

— *Здравствуй, здравствуй, благородная дочь дикого Сакрипанта! здравствуй!.. Как! ты одна убежала от твоего отца?..*

А она, видя, что нет надежды возвратить бедному Роланду-Зарецкому рассудок, произнесла горестно, как Ангелика:

— *Несчастный!* — и удалилась из тюрьмы скорыми шагами, чтоб не опоздать на репетицию.

Настоящий генерал-губернатор, до которого дошли слухи об этом происшествии, смеялся над ним от души и велел перевести Роланда-Зарецкого из тюрьмы в сумасшедший дом, а казначея переместить в другой город.

По сию пору казначейша во время ссоры с мужем посылает его навестить зятя своего в Москве в желтом доме; а Зарецкий без отдыха декламирует, то воображая себя честолюбцем Фиэско, заносит преступную руку на Джианеттино, поражает стену кулаком, клянет судьбу над трупом Розабеллы, низвергается в море с кровати и лежит без памяти на полу; то, вдруг очнувшись, является маркизом Лафастом и клянется в любви Софии; то перед лицом Вольного судилища защищает права и невинность имперского барона. Но в роли Неистового Роланда он превосходит самого себя; все сумасшедшие, находящиеся с ним в одной камере, забывают свою манию — музыкант перестает перебирать на воздухе клавиши; духовидец забывает ловить за хвост чертиков, которые садятся ему на нос; у поэта выпадает из рук воображаемое перо; оратор не откашливает слова, которое остановилось у него в горле, — и все внимательно, безмолвно, разинув рот, дивятся иступленному искусству Зарецкого.

ПРИМЕЧАНИЯ

Повесть была впервые напечатана в журнале «Библиотека для чтения» (1835, т. 10, ч. II) под заголовком «Провинциальные актеры» и со многими изменениями, сделанными редактором О. И. Сенковским. Вельтман не согласился с поправками и искажениями текста, вернул произведению прежнее заглавие и напечатал в первоначальном виде в сборнике «Повести» (1836, 1837).

Упомянутые и цитируемые в повести драматические произведения известны по следующим источникам. Пьеса «Неистовый Роланд» — в переводе с немецкого (М., 1793). Это инсценировка поэмы итальянского поэта Л. Ариосто (1474—1533). Широко известна была также трагедия Ф. Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе». Ее в юности переводил и Вельтман. Пьеса Ф. Матвеева «Добродетельная преступница, или Преступник от любви» была напечатана в Москве в 1792 г. Пьеса Ламатьера «Вольные судьбы» известна по рукописи (1831), хранящейся в Ленинградской театральной библиотеке.

Шабаш — субботний праздник, предписываемый еврейской религией.

Фактор — мелкий посредник, комиссионер.

Ратафия — перегнанная настойка, приготавливаемая из водки, сахара и ароматических веществ или плодов.

Поль и Виргиния — герои одноименного романа французского писателя Бернар-дена де Сен-Пьера (1737—1814).

Завтрак на вилках — буквальный перевод французского выражения «à la fourchette» — еда стоя у стойки.

Коцебу Август Фридрих Фердинанд фон (1761—1819) — немецкий драматург, прозаик, мемуарист. Реакционер, агент русского правительства, Коцебу был убит прогрессивно настроенным студентом К. Зандом.

Тулумбас — ударный инструмент.

Ремиз — штраф за недобор установленного числа взяток (карточный термин).

Хожалый — служитель полиции для разных поручений, посыльный.

Антикварий — знаток древностей. Здесь: знаток старинных законов.

Русская Правда — памятник древнерусского права эпохи Киевского государства.

Целовальник — в Московской Руси должностное лицо, собиравшее подати и выполнявшее судебные и полицейские функции. В XIX в. — продавец вина в питейных домах.

Зерцало — выставляемая на столах всякого присутственного места трехгранная призма с тремя указами Петра I.